

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш26

Оформление обложки *Владимира Безкровного*

Шаронов, Алексей Сергеевич.

Ш26 Дежурный после полуночи / Алексей «Ernogon» Шаронов. — Москва : Эксмо, 2024. — 400 с.

ISBN 978-5-04-210039-0

Взрывы ядерных бомб изменили мир раз и навсегда.

Николай Небоходов — врач лагеря выживших. Он считает запасы медикаментов, помогает заболевшим и раненым. Берет на себя больше, чем должен, потому что понимает — кто будет на стороне людей, если не он? Но в условиях ограниченной еды и надвигающихся туч с радиоактивными осадками шансы выжить стремятся к нулю, а военные явно что-то скрывают...

Не дожидаясь новой катастрофы, вместе с единомышленниками Николай отправляется искать новое пристанище. Однако как сохранить надежду в мире, где каждый сам за себя и старые моральные принципы больше не могут направить потерянных людей?

На горизонте только свинцовые тучи, голод и смерть.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210039-0

© Алексей Шаронов, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Главное достижение любой
цивилизации – её гибель*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Всего лишь история	9
ГЛАВА ВТОРАЯ. Трибуне пандус не положен	39
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Рябь в пересохшем колодце	73
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Боковая полка в крематории	94
ГЛАВА ПЯТАЯ. Парадные кандалы урана	134
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Sero venientibus ossa	154
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Посмертный портрет Гильгамеша	177
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. У Голгофы два северных склона	221
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Чистейшая карма на рынке	248
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Начерченная углём радуга	286
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Долина смертной тени	317
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Ария путеводных эпитафий	353

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВСЕГО ЛИШЬ ИСТОРИЯ

Первые взрывы прогремели 23 мая. Яркие вспышки в небесах в мгновение ока затмили всю историю человечества. Половина мира тонула в огне, а в саду было так спокойно. Ох, мой старый садик: пруд, высыхающий почти до дна каждый июль; яблони, посаженные ещё дедом; выгоревший на солнце домик и просевший в землю сарай. Сколько раз я перелезил через тот дощатый забор, ленясь пройти пару лишних метров до калитки. Сколько раз нырял в кучу скошенной травы у колодца...

Мы не получили никаких известий или оповещений: связь пропала раньше. Обычное дело для глубинки, лишь Ольга Семёновна бродила по улице, ворча, что не сможет посмотреть новости перед сном. Облака отдавали розоватым заревом, ветер резвился среди зарослей борщевика в поле. Соседский мальчишка всё пытался уговорить седого пса вылезти из будки и принести палку. Похолодало. Я отправился в дом, растопил печку и невольно уснул. Назавтра предстояло вывезти старую мебель, вычистить чердак и договориться о перекладке крыши.

Настойчивые удары в дверь вырвали меня прямоком из кошмарного зачёта по фармакологии. Столько лет, а мне всё ещё снятся экзамены. Точнее, снились. Едва продрав глаза и поднявшись с дивана, я щёлкнул выключателем. По-прежнему темнота: электричества не было. К нетерпеливым ударам добавился испуганный женский голос: «Николай, откройте, это Людмила!» Её муж поехал выяснить, почему деревня осталась без света, и вернулся мёртвенно-бледным.

Через четверть часа почти все жители собрались в центре селения — в свете фар стояло около полусотни человек. Кто-то, даже не дослушав о чём говорят, махнул рукой и ушёл домой. Татьяна кричала, что её муж набьёт всем морды за такие шутки. Дмитрий судорожно пытался дозвониться до сына и внуков. Будь на улице светлее, мы бы заметили на горизонте чёрные столбы, устремлённые в небо, словно руки Атланта. Наши склоки и крики прервал армейский бобик с пареньком-рядовым за рулём. Мальчонке едва стукнуло восемнадцать, лишь неделю назад успел дать присягу. Как же его звали... Миша? Митя? Точно что-то на «М». В общем, Миша был единственным в ближайшей части, кто знал здешнюю глухомань и при этом умел водить. Его дыхание было таким тяжёлым и прерывистым, будто бежал к нам на своих двоих. Всё спрашивал, ловит ли у кого-то из нас сеть, чтобы позвонить родителям. Что в действительности произошло, юноша нам так и не сказал: полагаю, он и сам тогда ничего толком не понимал. Нам передали распоряжение об эвакуации и приказали срочно направляться в ближайший пункт сбора.

Полигон, построенный ещё в шестидесятых, встретил меня белыми огнями прожекторов и строгими рядами зелёных палаток. Сотни взволнованных гражданских стояли в очередях, подобно цепочкам муравьёв. Любые попытки разузнать хоть что-то у солдат из раза в раз пресекались заевшей пластинкой: «Проходите на регистрацию, дальше вам скажут, что делать». Тут и там звучали предположения о случившемся: «Да я зуб даю, это Балаковская!» — «Господи, что же теперь будет?!» — «Да у них никогда не хватило бы духу напасть!» Матери крепко прижимали к себе сонных детей, а за проволочным забором скулили оставленные на привязи животные. То и дело подъезжали новые машины, пополняя нашу бетонно-брезентовую колонию. К рассвету она насчитывала уже несколько тысяч человек. Передо мной стоял механик из Сосновки с женой и двумя дочерьми, по-

зади — одинокий скорняк с огромным походным рюкзаком, набитым башмаками. Неугомонный был мужик, всё норовил продать окружающим пару оксфордов, несмотря на многократные отказы.

Проведённая на ногах ночь заменила страх усталостью. Даже мальчишки-солдаты еле сдерживали зевету и, не глядя на подошедшего, монотонно называли эшелон, номер колонны, время отправления и пункт назначения. Прошедшие регистрацию облегчённо выдыхали, ошибочно полагая, что худшее позади. Когда достаточно посветлело, мы увидели вдалеке огромные чёрные облака: одно на севере, пару на юге и почти полностью залитое тьмой небо на западе. Толпа начала сходить с ума, отовсюду послышались вопли и плач. Одни рванули к машинам, другие — в истерике попадали на землю. Кто-то просто безумно визжал и обвинял во всём не менее испуганных военных. Раздались предупредительные выстрелы. Когда беспорядок прекратился, нам наконец рассказали то небольшое, что вообще было известно.

Большинство гражданских отправили в Пензу, а меня по долгу профессии — напрямик к ближайшей поражённой зоне, в Тамбов. Красивый был город. Помню, на первом курсе катались туда, в дом Вернадского, а потом ещё у Волка сфотографировались — жаль не распечатал. Впрочем, в этот раз до Тамбова мы так и не доехали: всю область уже накрыло излучением. Всего ночь с момента взрыва, а уже двести милливерт в час на сто восемьдесят километров вокруг — сунешь нос и получишь лучевую за полдня. Тем не менее я оказался редким счастливымчиком с того полигона: Пензу накрыло облаком через сутки.

Прошла неделя. Почти каждый город превратился в разрастающуюся по карте опухоль. Всё южнее Перми и Нижнего оказалось затоплено радиацией. Мы еле успели уехать на север, попутно подбирая кого только могли по пути. Сперва пытались эвакуировать пригороды, но лишь теряли

людей. Ребята уезжали группами по двадцать, тридцать машин и просто пропадали. Излучение напрочь убивало любую связь. Даже защищённое военное оборудование работало чёрт-те как, стоило въехать в зону поражения. На девятый день из Саранска вернулось два автобуса, посланных днём ранее. Они привезли сорок трупов и тридцать одного выжившего. Большинство не дотянуло до вечера. Среди них был Иосиф — слепой старичок, который встретил взрыв на террасе за поливкой цветов. Весь перебинтованный после осколков стекла, лежал передо мной на носилках и не замолкал ни на минуту. Он лишился зрения больше двадцати лет назад, но клялся, что за мгновение до удара видел огромный сияющий шар в небесах, будто «господь даровал людям второе солнце». Говорил, что у нас с его сыном совершенно одинаковые голоса, всё просил позвать того с дочкой. Их тоже привезли, но уже в числе тех сорока. Десятый день стал последним. Радиация пожирала всё вокруг, запирая нас в кольцо. Нужно было либо спастись, либо оставаться умирать. И мы сбежали, даже не дождавшись находящихся в пути групп.

Наш лагерь встал в трёхстах километрах западнее Кирова. Уехали бы ещё дальше, но грузовики жрали уйму топлива — шесть из восьми бензовозов уже опустели. Жизнь покинула здешние края давным-давно. Сплошные торфяные болота, непроходимые леса и безлюдные деревни. Отсюда никого не эвакуировали: насквозь прогнившие, полуразрушенные домики пустовали уже не первый год. Военская часть времён перестройки встретила нас холодными бетонными строениями и заросшим сорняками плацем. У нас было двести двенадцать солдат, сто шестьдесят из которых — срочники; три врача, пять фельдшеров и полторы тысячи гражданских. Выжившие либо вовсе не попали под излучение, либо получили недостаточную для серьёзных последствий дозу. Мы временно спаслись от радиации, но застряли в этом богом забытом захолустье.

Спустя несколько дней благодаря радиовышке военным удалось связаться с другими уцелевшими. По их словам, нашлось около сотни групп, насчитывающих в сумме два миллиона гражданских, разбросанных от Белого моря до Енисея. Многие оказались даже в более плачевной ситуации, чем мы: одним катастрофически не хватало еды, у других закончились топливо и лекарства. С запада страны сообщали о сильнейшем фоне над Европой и Прибалтикой, а на востоке вообще царил гробовая тишина.

Пока солдаты думали над дальнейшим планом, нас настигла новая беда. Радиация ещё не успела поразить подземные реки, и у нас была вода, но о полноценной гигиене можно было забыть. Постоянные дожди, шквальные ночные ветра, болотистая местность и антисанитария привели к болезням. Сперва слегли старики с обычной простудой — с этим мы справились. Следом начались первые случаи пневмонии. Особенно тяжело пришлось детям. Бытует мнение, что молодой организм легко справляется с недугом. Так и есть — при наличии хорошей еды и тёплой постели. У нас же были сухие пайки, водянистая похлёбка и спальные мешки на холодном бетоне. Вчера умерла женщина, ей даже не было шестидесяти. Её лихорадило пять дней, она плакала и бредила так громко, что соседи по лазарету грозились выкинуть её на улицу. У неё осталась внучка — светлейшее создание восьми лет отроду. Едва окончила второй класс, а в шахматы добрую половину лагеря обыграет. Родители отправили её в деревню к бабушке за день до... Мы не любим говорить о случившемся. Люди предпочли сосредоточиться на выживании. Теперь вопрос «Что же нам делать?!» звучит куда чаще любой другой фразы. Я слышу его постоянно: когда обхожу больных, обедаю или хотя бы пытаюсь поспать. Всё это похоже на какой-то кошмар, где ты не в состоянии убежать от монстра, а если пытаешься отбиться — оказывается, что твои кулаки ватные. Хорошо, хоть мама этого не застала.

С момента взрывов прошло три недели. Небо затянуло тучами, сажей и пеплом. На улице всего шесть градусов, уже почти полночь — скоро моя смена. Ветер бьётся о стенку палатки, слышен слабый треск костра в бочке снаружи. Походный фонарь отдаёт ледяным, белым светом, но это лучше, чем сидеть в темноте. Джоконда и Венера, скорее всего, покоятся под обломками Лувра. Нам больше никогда не посетить собор Санта-Мария, да и большинство книг навсегда потеряны в огне. История богата на трагедии и утраты, но человечество раз за разом восстаёт из пепла. Надеюсь, в этот раз будет также. Я пишу эту хронику, потому что вы должны знать о произошедшем из первых уст. В детстве я часто спрашивал деда о войне, которую он застал, ещё будучи ребенком, но он никогда толком ничего не рассказывал. Старик вечно уклонялся от ответов и отшучивался. Я же себе такую роскошь позволить не могу. Меня уже давно не будет в живых, когда люди смогут вновь искупаться в Чёрном море или возделывать почву под Москвой. Да что уж, скорее всего, меня нет, даже когда вы читаете эти строки.

Однажды Мартин Лютер Кинг сказал, что человеческая наука слишком быстро обогнала духовное развитие и теперь у нас есть управляемые ракеты в руках неуправляемых людей. Посему молю вас, мой читатель: донесите историю о том, что случилось, до своих детей, а они пусть донесут ее до ваших внуков. И если есть хоть малейший шанс, что наши труды помешают подобному ужасу повториться, — тогда мы с вами не имеем права молчать.

18 июня, Н. Небоходов

* * *

От тусклого освещения заболели глаза. Николай отложил ручку и убрал тетрадь во внутренний карман пальто. Брезентовая пола отодвинулась, в палатку зашёл сутулый худощавый

парень и, махнув рукой в знак приветствия, рухнул на спальный мешок. С минуту переведа дух, вошедший принялся стягивать ботинки. Будильник на часах пропиликал полночь.

— Как там дела? — поднявшись на ноги, поинтересовался Николай.

— Осталось трое: Людмила, Анатолий Михайлович и Сергея из восьмой. Остальным лучше, вроде...

— Хорошо. Семь-восемь дней — и всё. Что с поставкой? Видел Калинина?

— Шутишь? Я еле поесть успел, и то час назад.

— Ладно, отсыпайся, — оставив товарища, мужчина надел ранец и вышел наружу.

Путь до импровизированной медчасти пролегал почти через весь лагерь. Затянутое завесой облаков небо казалось чёрным покрывалом, света едва хватало, чтобы видеть дорогу. Ветер разносил запах озона. Затёкшую голень неприятно покалывало. Несмотря на поздний час, из палаток доносились оживлённые разговоры, а в центре селения, вокруг кострища, собрались три десятка весельчаков, горляющих под гитару любимые народные.

— Эй, док! Эй! — крикнул один из певунов и, вскочив, бросился навстречу. — Как хорошо, что мы с вами пересеклись.

— Ага, здравствуй, — не останавливаясь, продолжил свой путь Николай.

— Собственно, я насчёт лекарств. Говорят, вам особый запас выдали.

— И кто же говорит? — кинув мимолётный взгляд, поинтересовался врач.

— Да просто... люди, — голос мужичка нервно подрагивал, а на затылке проступил пот. — Мне бы это, ибупрофенчика пачечку.

— Я тебе уже сказал, жаропонижающее — для крайних случаев, а у твоего брата обычная простуда. Не выпускай его шляться под дождём, и оклемается.

— Да, я всё понимаю, док, но ему очень хреново. Пару часов назад только уснул, до этого почти тридцать девять было, — упрашивающий сложил руки в молитве и почти лез под ноги. — Мы же свои, никому не скажем. Дай пачечку, ну будь человеком!

— Знаешь же, что нельзя. — Николай остановился и призадумался. — Максимум, что я могу, — прийти осмотреть его, как закончу основной обход. Если всё окажется так плохо, как ты говоришь, — попробую выбить для него лекарство, ладно?

— Да, да, хорошо, спасибо Коленька! — мужичок кинулся обниматься, попутно пропихивая что-то в карман доктора, после чего быстро ретировался. Подарком оказалась пачка батареек.

Медчасть представляла собой бывшую армейскую столовую: небольшое одноэтажное здание на возвышенности, которое украшала преимущественно безвкусная бежевая плитка да разошедшиеся оконные рамы. Больные лежали на многочисленных раскладушках и самодельных матрасах прямо в обеденном зале. Главным блюдом были капельницы с антибиотиками, а в качестве гарнира — уколы прокаина. Поднявшись по бетонным ступеням крыльца и пройдя мимо выцветшего агитационного плаката, Николай зашёл в здание. Больные мирно спали, прерывая тишину сопением и храпом. На дежурном посту царил темнота и пустота. С кухни же доносился плохо сдерживаемый смех и периодически прорывающийся кашель. Отворив дверь, врач увидел двух фельдшеров и четырёх пациентов, рассеявшихся перед экраном ноутбука, словно в кинотеатре. Одна из зрителей закрывала рот рукой, стараясь не расхохотаться во весь голос, другой — тяжело дышал и хрипел, пытаясь набрать в лёгкие воздуха. Третий хлопал второго по плечу, приговаривая: «Держись, тебе нельзя смеяться». Красный, как помидор, мужчина утвердительно кивал, утирая слёзы и слюни.

— Ну и какого вы тут устроили? — Николай застыл в проходе, уставившись на творящийся сюр. — У вас пациенты одни лежат!

— Да нормально всё, они спят. Зато у нас сегодня праздник! — один из медиков указал на ноутбук. — Дочь зарядила где-то, а у меня фильмов скачано столько, что десять лет смотреть можно.

— Аккумулятора хватит ещё часа на три. Успеем и вторую часть посмотреть! — подхватил другой.

— Лучше третью сразу, — встрял отдышавшийся краснолицый.

— Согласен, вторая — так себе.

— Док, садитесь к нам, Дима подвинется.

— Тут ещё даже не середина, мы расскажем, что было.

— Слушай, у тебя есть что-то из детективов? Может, лучше их посмотрим?

— Блин, а нет, часом, нашей классики? Гайда бы сейчас глянуть..

Николай прикрыл глаза и потёр переносицу. В висках начало неприятно стрелять. Мужчина представлял себе сегодняшнюю смену не такой. Откровенно говоря, он не представлял её вовсе, но если бы и представлял, то точно иной. Врач молча закрыл дверь и вернулся в главный зал. Усевшись на раскладной стул за дежурной стойкой, он достал из рюкзака полутёплый термос и только налил чай в крышку-чашку, как сбоку послышались шаги.

— Ты не думай, что мы их оставили, — виновато подошедший медик указал на спящих пациентов. — Постоянно ходили, проверяли по очереди.

— Уверен, Калинина бы устроил такой ответ, — Николай усмехнулся, припоминая визгливый голос старого борова.

— Да, пожалуй.. Хочешь подремать? Я подменю.

— Не стоит, — мужчина сделал терпкий глоток.

Повисло натянутое молчание. Фельдшер ещё с полминуты постоял в нерешительности, развернулся и, шаркая по кафелю, направился в сторону кухни.

— Погоди, — окликнул уходящего Николай. — Где твоя дочь зарядила аккумулятор? Все генераторы и топливо у военных.

— Не спрашивал, а что? — нахмурился медик.

— Узнай, и будем квиты.

— Ты же не собираешься сдать? — в голосе мужичка слышались нотки испуга.

— О да, уже бегу в штаб. — Николай соорудил карикатурно злобное лицо и вновь отпил из крышки. — Само собой, нет.

— Хорошо. Я выясню, — всё ещё с толикой недоверия кивнул фельдшер.

Время перевалило за четыре. Облака на востоке начали отдавать лёгким светом, но помещение всё ещё хранило ночную тяжесть. Термос давно опустел, несмотря на ужасный вкус чая. В сон тянуло сильнее обычного. Попытка почитать провалилась, за последний час в голове не отложилось ни слова. Зрители кинопоказа два часа как разошлись по койкам: батарея на ноутбуке села прямо посреди фильма. Казалось, прошла целая вечность, но до конца смены оставалось ещё целых восемь часов. «Доктор... Доктор», — послышался едва различимый испуганный голосок. Николай подскочил со стула и, мигом преодолев половину зала, сел на корточки у поскрипывающей раскладушки, на которой лежала укутанная в одеяло девочка девяти лет.

— Доброе утро, Олечка. Что-то болит?

— Не-а, — на секунду призадумавшись, замотала головой малышка. — Где мама?

— Ещё очень рано, мама спит. Она придёт к тебе утром, хорошо?

— Ладно... — Оля с любопытством посмотрела на врача. — А как у меня дела?

— Ну, давай проверим, — Николай прочитал вечерние записи коллег в карте, измерил пульс и давление, послушал лёгкие стетоскопом и, наконец, победно улыбнулся. — Всё хорошо,